

XI Международный конкурс «Память о Холокосте – путь к толерантности»

**ТЕМА: «Все это в память а детям
передан»**

Автор:
Охмат Иван,
ученик 8 класса
МБОУ СОШ №1 с. Арзгир,
Арзгирского района,
Ставропольского края

Руководитель:
Охмат Елена Владимировна,
учитель истории и обществознания,
МБОУ СОШ №1, с. Арзгир,
Арзгирского района,
Ставропольского края
ул. Калинина, 2

Арзгир
2012 г.

Содержание.

Введение.	2
1. Эвакуация из Кишинева	3
2. Расстрел в поселке Зунда	3-4
3. Долгая дорога в Арзгир	5-6
4. Жизнь Вани в семье Шинкаренко	6
5. Ожидание смерти	6-7
6. Надежда на спасение	7-8
7. Освобождение с. Арзгир.	8
8. Жизнь после войны	8
Заключение	9
Литература	10
Приложение	

Введение

Время проходит, стираются даты
Надо ли помнить, что было когда – то?
Здесь, все реже следы ветеранские
Кости еврейские, кости славянские...
В. Вайнштейн

Вторая Мировая война... Миллионы невинных людей погибли во время карательных операций, сражений, бомбежек. Холокост унес жизни 6 миллионов евреев, сотни тысяч цыган, миллионы славян. Но что такое цифры? Они безлики. Однако, за каждой цифрой чья – то судьба, чьи – то дети, а может быть, – это друг, сосед или отец. Чем дальше мы отходим от Холокоста, тем более пронзительно становится ясно, что геноцид – это опаснейший синдром человекофобии для всех жителей Земли.

8 сентября 2012 года в с. Азгир было проведено траурное мероприятие: 70 лет с тех пор, как неподалеку от села, в балке, были расстреляны мирные жители. Большая часть из них – евреи. Впервые на арзгирской земле присутствовали основатель и сопредседатель научно – просветительского центра «Холокост», вице – президент Фонда Илья Альтман и полковник в отставке Э. Г. Зигель. Меня заинтересовала тема Холокоста в СССР. Я узнал, что один из немногих кто выжил в сентябре 1942г. – Иван Иванович Палагута. Его трагическому детству посвящается моя творческая работа.

1. Эвакуация из Кишинева

Начало Великой Отечественной войны сложилось для СССР неблагоприятно. Красная Армия отступала под натиском превосходящих сил вооруженного до зубов врага, неся большие потери убитыми, пленными и ранеными. Вместе с Армией по военным дорогам двигалось мирное население, спасаясь от врагов.

Иван Иванович Палагута, тогда Бортников, вспоминал то время так: « Жили мы в Кишиневе по ул. Минковской, 8. Наша семья: отец Даниил, мать Софья, старший брат Григорий, брат Леонид и грудная сестра Ольга, бабушка – мать отца. 21 июня 1941 года старший брат Григорий окончил среднюю школу города Кишинева, 23 июня весь класс выпускников ушел добровольно на фронт. Среди них был Григорий, он гордился тем, что его берут добровольцем защищать Родину. Через несколько дней отец посадил нас в поезд, вместе с нами, сопровождая эшелон (он был железнодорожником) отправился в путь на восток. Моя память запечатлела следующие картины: толпы народа на вокзале, ревущие паровозы, крики «воздух», стоны людей. В пути нас четыре раза пересаживали с одного состава на другой. Дорогу бомбили, разбивали составы. Низко над поездами пролетали черные немецкие самолеты, расстреливая их из пулеметов и сбрасывали бомбы. Нескоро собрали всех уцелевших. Бригада, которая следила за порядком в пути, восстановила пути и мы двинулись дальше. Наш путь лежал к городу Астрахань, там жила девушка, с которой учился Григорий, родители у неё погибли. Где-то в районе города Астрахани нам её удалось найти, она оставалась с нами. Ураган войны перенес нас за тысячи километров от родного дома. Наконец мы остановились в селе Приютном. Мама работала в больнице врачом, отец ушел на фронт. В Приютном я начал ходить в 1 класс. Там жили мы год в маленьком домике вместе с хозяевами».

2. Расстрел в поселке Зунда

Шел четырнадцатый месяц войны – август 1942 года. Настало время, и из Приютного надо было эвакуироваться. Военком выделил четыре подводы, дал сопровождающих молодых ребят с ружьями для 12 человек детей, женщин, стариков и мы двинулись в Дивное, оттуда к поселку Зунда на правом берегу Восточного Маныча. Там жил Михайлов Савва Михайлович – брат одной из беженок.

Этот 10-й августовский день 1942 года был страшно жарким, палило солнце, и до самого горизонта открывалась степь, далекая и ветреная, как море. Высокое степное небо с маленькими облачками. Они никак не могли закрыть солнце. Тень от них изредка проплывала над телегой, и снова становилось жарко и страшно.

Ветер нес сухую траву и пыль. Хотелось пить. Дети плакали от зноя, пыли, жары. Взрослые со страхом и ужасом, слышали в воздухе рокот моторов самолетов или машин, прижимали к себе детей. Они знали, что может быть впереди - враг и встреча с ним станет возможно неизбежной.

В середине июля Германская авиация прорывалась к Волге через степи. Это были дни, когда лютый враг рвался к предгорьям Кавказа.

К вечеру 10 августа усталые и измученные путники достигли поселка Зунда. Теперь степь казалась совсем пепелищем. Вокруг восьми домов поселка ни одного кустика, ни одного деревца. Местные жители встретили чужих настороженно, опасаясь за свою жизнь.

Из воспоминаний Ольги Павловны Шевцовой: «Мы подоили коров и понесли приехавшим людям молоко и хлеб. Я отдала молоко врачу – Софье. Она была очень красива. Около неё стояли два мальчика, на руках была грудная девочка. Старший сын, лет 15, был выше её ростом, тихенький и такой же красивый; младший, лет шести-восьми, держался за платье матери в черных трусиках и майке, с каким-то недоумением смотрел на меня. Женщина поблагодарила за молоко. Вечером она выкупала детей и осталась ночевать у Михайлова Саввы Михайловича - бухгалтера фермы.

«Когда утром 11 августа над нашим поселком поднялось большое солнце, беженцы хотели продолжать свой путь. Врач Софья усаживала своих детей на телегу. В это время появились фашисты на машинах и мотоциклах. Люди испугались и бросились по домам. Ко мне в дом прибежала Софья с девочкой на руках. Она успела только сказать: «Спрячьте!», как с криком: «Мама!» вбежал Ваня, а за ним страшный немец. Он схватил женщину за руку, дернул её, второй рукой мальчика и потащил на улицу. Другие немцы, угрожая оружием и толкая прикладами, сгоняли стариков, женщин и детей к открытой машине. Охрану они перебили сразу.

Нас загнали в дома и пригрозили расстрелом. Я стояла около окна, за меня держались мои близнецы, им было по два года, третий должен был родиться. Глядя на Софью, её детей, я сама была готова свалиться замертво. Их втолкнули на открытую машину. Женщина кричала оттуда, простирая к нам в руках девочку. Душераздирающая сцена разыгралась на глазах жителей посёлка. Сколько горя и страдания принес нам тот день. До сих пор я слышу крик ужаса, он словно повис над степью».¹

Нас, детей, взрослые старались закрыть своими телами. Машина тронулась. Немец сказал, что везут всех в другое село. Молча, смотрели друг на друга взрослые, обнимались и слезы текли из глаз каждого. Через 4 километра машина остановилась. Людей согнали с машины. Все поняли, что они вступили на дорогу, ведущую прямо к смерти. А палачи, держа пальцы на пусковых курках автоматов, медленно приближались к людям.

Раздались беспорядочные автоматные очереди. Все затихло. Фашисты несколько минут постояли, ждали, не шевельнется ли кто. Нет, таких не было. Только ветер, сухая трава, да солнце были свидетелями этой кровавой расправы.

¹ Из воспоминаний Ольги Алексеевны Пигун, 1979г.

3. Долгая дорога в Арзгир

Потеряв немало крови, Ваня очнулся от предутреннего холода, приподнялся на локти, присмотрелся. Рядом лежал брат Лёня, с другой стороны - мать, на её груди - сестра Оля, дальше остальные. Это был не сон. Люди, казалось, спали. Мальчик стал звать их, потом пополз к каждому, заглядывая в лицо, трогая руками. Они были все мертвы. Ваня был весь в крови, болела нога и бок, из ран всё еще сочилась кровь. Но желание поскорее уйти от этого места, стало сильнее его боли, и он пополз. Было страшно, его детское сердечко билось так сильно, что, казалось, вырвется и полетит с той птичкой, которая вилась над ним в небе. Пытаясь встать, Ваня упал, снова встал и снова упал, оставалось одно – ползти. Это был его последний подъем к верхушке холма.

Небо из белого бесцветного, стало синим, глубоким и дышало зноем. Впереди показывались все те же домики, откуда их увезли вчера. Мальчик был уже близко около поселка, когда услышал рокот мотора. Густая дорожная пыль рассеялась, на мотоцикле в поселок въезжал фашист. Пока пыль не улеглась, мальчик вскочил на ноги и, еще не соображая, что делает, бросился к полуразрушенной хибаре-кузнице.

Внутри было черно от копоти, пахло одной гарью. В углу стоял рогожный мешок с углем. Ваня спрятался за него и замер. Фашист заглушил мотор. Осмотрел дом. Сел в мотоцикл и уехал. Мотор проревел рядом, потом все затихло, точно вымерло. Этот день показался бесконечным. Вечером Ольга Алексеевна Пигун заглянула в кузницу. В углу сидел бледный, полуживой мальчик в одних трусиках. Она сходила в дом, принесла еду, воду, перевязочный материал.

Так длилось четыре дня. На пятый день Ваню отвезли на пятую ферму, а оттуда показали путь на Арзгир, почти сорок километров.

Теперь он шел один. Почернела ковыльная степь, сухая трава переносилась ветром и задерживалась за выступами белых камней карьера, ветер нес пыль. В воздухе стояло, закрывая солнце, пыльное марево, пересох Маныч, ни воды, ни травы.

Над степью изредка пролетали самолеты. Сухая земля, прогретая солнцем, лежала вокруг. Навстречу катился валунками курай.

Неожиданно на мальчика бросились злые чабанские собаки. Ваня закричал, потом замахал руками. Собаки готовы были растерзать его. Тогда он упал от страха на землю вниз лицом и отчаянно заплакал. Собаки успокоились, стали повизгивать, увидев хозяина. К ним спешил чабан-калмык. Он отогнал злых псов, поднял мальчика и повел к арбе. Накормил, дал лепешку и проводил дальше.

Клонило солнце к востоку, дороги никакой не было. Была степь, вдали виднелись курганы. На третий день Ваня выбился из сил. Не было воды, хотелось пить. Ранение было серьезное. К обеду ветер словно взбесился. Он злобно набрасывался на степь. В воздухе кружились вихри, солнце повисло желтым пятном в небе. Ваня все шел и шел. Ветер неистовствовал. Казалось, что вокруг

плачут люди. Вдруг мальчик увидел колодец. Солнце ярко вспыхнуло, разлило радуги, и он потерял сознание.

Чабан колхоза «Красный Октябрь» Губа Евдоким подъехал к колодцу. Воды в нем не было. Конь насторожил уши, тихонько заржал. Вокруг ни звука, и тут он увидел на земле в нескольких шагах ребенка, тот был в глубоком обмороке. Евдоким бережно поднял его, положил к себе на колени и поскакал к арбе. Его жена осмотрела мальчика, обмыла, перевязала рану. На вторые сутки Ваня открыл глаза и попросил пить.

Через время Евдоким отвез Ваню в Арзгир.

4. Жизнь Вани в семье Шинкаренко

Мальчика привезли на хозяйственный двор колхоза «Красный Октябрь». Посадили под навес кладовой, вокруг собрались женщины. Стояли молча, потом плакали, кто-то сунул в руку кусок хлеба.

«Наша бабушка Анна Ивановна Шинкаренко в конце августа привела в дом мальчика лет семи. Она его выкупала, одела рубашечку, брючки Васины, перевязала рану и пошла искать медсестру. Медсестра приходила несколько раз, делала перевязки. Мы подружились: я, мой брат Вася и Ваня. Он часто вскакивал по ночам и кричал. Укрывшись одеялом с головой, чтобы никто не слышал, Ваня плакал и шепотом говорил с мамой, потом переходил в рыдание и крик. Начинался бред, горячка. Тогда бабушка брала его к себе на кровать и успокаивала. Так прошло месяца три.

Самое тягостное, что принесла с собой оккупация, это была безызвестность. Отрезанные от всего мира, мы не могли знать, что происходило там, где линия фронта»²

Слухи о том, что А. И. Шинкаренко взяла чужого мальчика в дом, дошли до полицейского коменданта.

Однажды, во время завтрака, во дворе послышались шаги, громкие голоса. В комнату вошли полицейские Шкирко Егор и Масляков Иван. Наступила жуткая тишина. Несколько времени все молчали, потом Масляков сказал: «Давайте мальчика, мы за ним». Бабушка кинулась к ним, кричала: «Зачем вам ребенок, что он вам сделал?». Полицай грубо оттолкнул ее и увел Ваню в полицию.

2.5 Ожидание смерти

Этот страшный день Иван Иванович вспоминал так: «Как увидел полицейских, у меня закружилась голова, стало темно. Я хотел кричать, но не мог издать ни звука. Меня вели, ноги не двигались, я их переставлял, как палки. На дворе стоял уже холод, я его не чувствовал.

² Из воспоминаний Галины Николаевны Кошель, 1979г.

Меня привели к коменданту. Он стал допрашивать. Я плохо соображал. Чувствовал одно: снова будут стрелять. Приходила бабушка, Анна Ивановна, но ее не пустили ко мне - прогнали. В камеру со мной посадили девочку- еврейку лет тринадцати, хотели, чтобы она разговаривала со мной на родном языке. Я его не знал и вообще не понимал, что от меня хотят.

Меня посадили в машину и под конвоем двух полицейских повезли в Буденновск. Днем мы приехали в Петропавловку, тут меня сняли с машины и привели в сарай-камеру, где на соломе лежали два раненых красноармейца. Они были обросшими, бледными, с кровоподтеками на лице, бинты их пропускали кровь. К вечеру мы приехали в Буденновск. Теперь уже не помню, где брали кровь. Только через день меня привезли снова в камеру с. Арзгир. Раны мои болели, особенно в бедре».

Немцы тем временем прилагали все усилия, чтобы скорее покончить с партизанами, евреями, активистами. Судьба их уже была решена- расстрел.

Среди них снова был Ваня. Его вывели вместе с другими и стали сажать в машину, но тут к коменданту подошел Палагута Иван Трофимович, он был полицейским и попросил взять мальчика для допроса. Комендант разрешил. Мальчика сняли с машины, а обреченных людей отправили к Арзгирской балке.

Из воспоминаний Свистулы Татьяны Васильевны: « В эти ноябрьские дни немцы собрали всех эвакуированных евреев. У нее в доме жила семья Хуста Иосифа, дочь Поля, сын Люсик. Это были замечательные, сердечные люди. Им сказали взять по 20 кг вещей и что они поедут на работу в другие города или села. Людей посадили в машину и повезли к Арзгирской балке. От моего дома это было очень близко. Я видела весь этот ужас. Ставили по несколько человек, расстреливали детей и взрослых вместе. Живых заставляли оттащить мертвых и самим становиться на их места. Люди плакали, прощались друг с другом, кричали».

6. Надежда на спасение

«Палагута Иван Трофимович привез меня к себе домой. Дом стоял на самом краю села. Он показал мне, где я буду жить, где прятаться в случае опасности. Это был погреб, набитый всякой рухлядью и овчинами, кроме этого в огороде, в ограде курая, были вырыты две норы.

На второй день, когда я сидел за столом, увидел в окно полицейского на лошади. Я забыл о наказе, куда нужно прятаться, бросился в огород и, не помня себя, побежал. «Стой» - крикнул полицейский. Я бежал и с разбегу кинулся в колодезь. Он был глубокий, воды там не было. Надо мной показалось лицо Палагуты, он просил меня показаться оттуда или хотя бы что-то сказать. Он подал мне веревку с палкой и вытащил из колодца. Я не мог смотреть на форму, в которую он был одет, меня трясло.

В доме Иван Трофимович еще раз мне объяснил, как укрываться в случае опасности, и ушел к партизанам. Я остался с Палагудой Прасковьей

Михайловной. Эта женщина заботилась обо мне. Несколько раз к нам в дом наведывались полицейские. Разыскивали Ивана Трофимовича»³.

Так прошло еще больше месяца. Пришла зима. Иногда Ване приходилось днями сидеть в своих норах, было холодно. Страха он почти не ощущал.

7. Освобождение с. Арзгир

Вечером одиннадцатого января 1943 года Прасковья Михайловна вытасила из укрытия Ваню и сказала: «Вставай, наши пришли». Мальчик, услышав голоса людей, радостные восклицания, побежал к воротам, там стояла грузовая машина на ней были военные – наши родные солдаты.

К дому бежали соседи, люди с других улиц. Многие плакали, несли хлеб, лепешки, молоко, воду. Раздавались возгласы, жители наперебой благодарили воинов-освободителей, спрашивали о своих родных. Около здания райисполкома начался митинг. Этот день Ваня запомнил навсегда. Ему не нужно было больше прятаться, можно было выходить за ворота, заводить знакомство с другими людьми. Месяца через два мальчика отправили в Иноземцевский детский дом. Там он нашел ребят из Арзгира: Гулова и Савченко. Втроем они и сбежали.

Путь их был нелегкий. Детей дважды возвращали в детский дом. На третий раз им помог уже приобретенный «опыт». Они вскочили на ходу в товарный поезд и отправились в Минеральные Воды. Оттуда через две недели странствий Ваня возвратился в Арзгир. Пришел в дом Палагуты Ивана Трофимовича. Его приняли как родного, усыновили, дали фамилию Палагуты, назвали Ваней.

8. Жизнь после войны

В Арзгире Ваня закончил три класса. Потом семья переехала в с. Садовое. После окончания четвертого класса Ваня пошел чабановать вместе с отцом на Черные Земли. Возвратился в 1948 году, стал посещать курсы электриков в МТС. С 1952г. по 1956г. служил в рядах Советской Армии. После демобилизации из рядов вооруженных сил Иван Иванович (приложение 1) прошел трудовой путь от шофера до начальника межколхозной дорожной организации ДПМК – 15 (приложение 2).

В 1956 г. Иван Иванович женился на молодой учительнице Вере. Они переехали жить в Арзгир. У них родились три сына: Сергей, Алексей, Александр.

Второго августа каждого года, Иван Иванович ездил в Зунду, где были расстреляны его родные.

К сожалению, время быстротечно. В 2006 г. Иван Иванович Палагута ушел из жизни. Он был известной личностью в районе. Его многие знали и уважали за активное участие в общественной работе, где требовались самодисциплина и высокая ответственность. Ивану Ивановичу присвоено звание почетного жителя с.Арзгир и Арзгирского района. Однако историческая память навсегда сохранит историю жизни мальчика из Кишинева.

³Из воспоминаний Ивана Ивановича Палагуты, 1979г.

Заключение.

Человек не может не задаваться вопросами: кто я? откуда я? Не зная истории человечества, невозможно понять, что происходит вокруг нас в мире, разобраться в образе жизни и мыслей разных народов, проникнуть в суть событий.

Судьба И.И.Палагуты, как редкая книга, дает возможность задуматься о человеколюбии, гуманизме, свободе. За спасение еврейского мальчика Палагута Иван Трофимович и Прасковья Михайловна получили посмертно звание праведников народов мира (Приложение 4-5).

Сохраняя историческую память на месте массовой казни в 1968г. на средства, собранные комсомольцами, был сооружен памятник жертвам фашизма. В 2011г. Карнаухом Анатолием Георгиевичем, членом Союза журналистов, был найден в архивах акт о злодеяниях немецко – фашистских захватчиков, датированный 1943г., из которого следует, что в Арзгире было расстреляно 695 человек, из них евреев – 675. Имена погибших неизвестны. Однако некоторые фамилии восстановлены: Фаина Портная, Мойша Портной, Ита Гершкович, Сарра Гершкович, Ита Фридман, Блюма Фридман, Софья Заславская. Я думаю, что список будет пополняться, благодаря активной деятельности научно – просветительского центра «Холокост» и краеведов – активистов.

Литература

1. Брухвельд С., Пол А. Левин «Передайте об этом детям вашим». Правительство Швеции, М.2000г.
2. Воспоминания И.И. Палагуты, 1979г., 2002г.
3. Воспоминания Г. Н. Кошель, 1979г
4. Воспоминания О. А. Пигун, 1979г.

Приложение

Палагута И.И.

1983 год вручение передового Красного знамени

Встреча Палагута И.И. с Гершковичем А.М.

Церемония вручения звания «Праведников мира»

**Ивану и Прасковье Палагута
Присваивается звание праведников мира
награждаются медалью
«Праведника народов мира»
их имена высечены на Стене Почёта
в Аллее Праведников ЯД-Вашем в Израиле**